

5. Гуревич, А. Я. Средневековый мир : культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. М., 1990.

6. Neumann, F. Schichten der Ethik im Nibelungenlied / F. Neumann // Festschrift für Eugen Mogk. 1924. S. 119–145.

7. Panzer, F. Das Nibelungenlied : Entstehung und Gestalt / F. Panzer. Stuttgart, 1955.

Л. И. Семченко

(Полоцк, Полоцкий государственный университет)

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И. В. ГЁТЕ КОНЦА XVIII ВЕКА

Жанровое своеобразие творчества любого писателя во многом обусловлено той исторической эпохой, в которой пришлось жить и творить художнику; созданное им несет неизгладимую печать времени. Дух эпохи находит свое воплощение не только в содержательном плане самих произведений, но и в структурно-семантических особенностях тех жанров, к которым обращается автор в поисках соответствующей формы для выражения собственных мыслей и убеждений. История развития мировой литературы предлагает немало примеров расцвета и упадка того или иного жанра в определенных культурно-исторических условиях. Границы автономии литературного жанра заканчиваются, по мнению В. Краусса, именно на этапе «коренной перестройки основ существовавшего общества» [1, с. 52]. В XVIII в. таким исторически значимым событием общеевропейского масштаба становится Великая Французская революция. Социально-экономическое развитие общества приводит к изменению представлений о человеке, его психике, его месте и роли в мире. Потребность в осмыслении происходящего ставит писателей перед необходимостью ревизии существующих литературных жанров и выделении тех из них, художественные возможности которых в наибольшей степени соответствуют духу эпохи.

В середине 1790-х гг. в условиях политической нестабильности усиливается интерес И. В. Гёте к вопросам преемственности и развития в природе¹ и искусстве. Особенно остро начинает восприниматься им и пробле-

¹ «Опыт о метаморфозе растений» («Versuch, die Metamorphose der Pflanzen zu erklären», 1790); «Опыт о форме тела животных» («Versuch über die Gestalt der Tiere», 1790); «Учение о цвете» («Zur Farbenlehre», 1810); «Опыт как посредник между объектом и субъектом» («Versuch als Vermittler von Objekt und Subjekt», 1792); «Опыт общей остеологии» («Versuch einer allgemeinen Knochenlehre», 1794); «Первый набросок введения в сравнительную анатомию» («Erster Entwurf einer allgemeinen Einleitung in die vergleichende Anatomie, ausgehend von der Osteologie», 1795).

ма жанровой традиции. В 1797 г. появляется черновой вариант статьи «Об эпической и драматической поэзии», посвященной вопросам природы и специфики литературных видов. Изложенные в этой работе теоретические положения не единожды обсуждались при личных встречах и в переписке Гёте с Шиллером. О стремлении автора к жанровой определенности говорят и названия его произведений: «Сказка» (из «Разговоров немецких беженцев», 1795), «Избирательное сродство: роман» (1809), «Баллада» (1817), «Новелла» (1828).

Проблема жанровой специфики произведений Гёте послереволюционного периода тем актуальнее, что немецкое Просвещение, с одной стороны, определило творческую судьбу писателя, нашло в нем своего ярчайшего представителя. С другой стороны, именно просветительская идеология выступила катализатором перехода от традиционного, классического типа художественного сознания с характерной для него поэтикой стиля и жанра к новому индивидуально-авторскому пониманию единства художественного произведения. Достаточно вспомнить романтика Ф. Шлегеля, рассматривавшего гётевского «Вильгельма Мейстера» в качестве образца нового искусства (см.: [2]). Жанровое многообразие творческих исканий Гёте послереволюционного периода свидетельствует об утрате писателем ощущения целостности происходящего, его дезориентации как в событиях мировой истории, так и в области эстетического. Отсюда интерес классика к жанру романа, отличительной особенностью которого является его обращенность к живой, непрерывно «становящейся действительности» [3, с. 482]. Заложенная в природе этого жанра возможность всестороннего изображения жизни позволяла художнику постичь мир в его целостности и многогранности, не укладывающейся в рамки систематизирующей логики просветительской идеологии.

Центральной темой переработанного варианта романа о Вильгельме Мейстере становится проблема отношений личности и общества. Теория и практика революционного террора поставили под сомнение традиционные представления о человеке, просветительскую веру в возможность его воспитания и утверждения на земле обещанного Царства Разума. Результатом горького исторического опыта стало осознание величия человека, стремящегося преобразовать мир, и признание ограниченности его возможностей. Эгоцентрическая идея индивидуальности, ставшая фундаментальной основой литературного течения «Бури и натиска» и нашедшая свое яркое воплощение в романе «Страдания юного Вертера» (1774) и драме «Гёц фон Берлихинген» (1773), переосмысливается классиком с учетом актуальных политических событий. Непростая история создания романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796) отразилась в его двухчастной структуре.

Верность представлениям о «сущностной»¹ модели личности определяет поступки главного героя в начале романа. В первых пяти книгах в основе жизненного пути Вильгельма Мейстера еще лежит специфическое для сказки и мифа противостояние культурного героя представителям демонического мира (антимира). Первоначальный образ персонажа не претерпевает при этом никаких существенных изменений. Во второй части романа «сущностной» модели индивидуальности противопоставлен иной личностный проект, проводимый в жизнь членами «Общества Башни». Он рассматривается ими как новая, более высокая ступень воспитания. «Человеку, едва вступающему в жизнь, хорошо быть о себе высокого мнения, рассчитывать на приобретение всяческих благ и полагать, что его стремлениям нет преград; но, достигнув определенной степени развития, он много выиграет, если научится растворяться в толпе, если научится жить для других и забывать себя, трудясь над тем, что сознает своим долгом. Лишь тут ему дано познать самого себя, ибо только в действии можем мы по-настоящему сравнивать себя с другими» [4, с. 405]. Эти слова Ярно, лежащие в основе программы деятельности членов тайного общества, содержат два ключевых момента. С одной стороны, речь идет о явном преимуществе самопознания, опирающегося на опыт, по сравнению с первоначальными представлениями Вильгельма о том, что наша индивидуальность задана нам изначально. С другой стороны, утверждение новой модели самовосприятия человека не влечет за собой отказа от первоначальной идеи предопределенной индивидуальности. Она – одна из важнейших составляющих становления личности.

Безусловно, проект познания самого себя через деятельность предоставляет герою возможность применения творческой инициативы, экспериментирования над собой в поисках своего предназначения. Но ответ на вопрос, что определяет долг каждого отдельно взятого индивида по отношению к миру, остается открытым. Члены «Общества башни», взявшие на себя право сознательного руководства судьбой Вильгельма, также не могут указать герою на его предназначение, так как выступают с критикой любой попытки самопознания лишь с помощью конструирующего рассудка. Последовательно демонстрируя свое недоверие к важнейшему просветительскому принципу – «sapere aude», «Общество башни» действует не открытым

¹ «Сущностной» моделью индивидуальности мы будем называть такую концепцию личности, которую представляет Вильгельм Мейстер в разговоре с незнакомцем и при которой основу любой индивидуальности составляет некое субстанциальное ядро, определяющее, чем должен стать человек, чем ему стать предначертано. Ср.: «Неужели с вами никогда не бывало, чтобы ничтожное обстоятельство побудило вас избрать тот путь, где вы вскоре бы натолкнулись на благоприятный случай, а затем целый ряд неожиданностей привел бы вас к цели, которой сами вы не видели отчетливо? Конечно, это должно было бы внушить вам покорность судьбе и веру в мудрость Провидения» [4, с. 58].

убеждением, а пытается практически руководить судьбой Вильгельма, не гнушаясь при этом использованием различного рода мистификаций.

Программа коллективного самовоспитания, определяющая внутреннее развитие героя во второй части романа, поднимает одну из центральных проблем эпохи Просвещения – конфликт индивида и общества, представленный, как правило, в терминах «естественное» и «культурное». Не «переделывать» индивидуальность героя, данную ему от природы, а содействовать ее интеграции в человеческое сообщество стремятся члены «Общества Башни». Так, аббат признает существование в каждом отдельно взятом индивиде некоей совокупности врожденных способностей деятельного воздействия на мир. Он рассматривает их в качестве неотъемлемой составляющей человеческой индивидуальности, развивать и совершенствовать которые и призван человек в процессе деятельной жизни: «...деятельность – первое и главное для человека, и без склонности, без врожденного тяготения к ней делать ничего нельзя» [4, с. 429]. Таким образом, акцентируя упорядочивающую, социализирующую функцию определенной деятельности, Гёте ограничивает ее возможности заложенными в нас от природы инстинктами. Подавление же этих естественных влечений во имя идеи коллективного самосовершенствования ведет к обезличиванию индивида. Обращение к жанру воспитательного романа в условиях политической нестабильности в Европе рождено необходимостью переосмысления существующей модели индивидуальности, включения в нее принципиально новых моментов в понимании личности. Критика рассудка как «интеллектуального исполнителя требований воли» [5, с. 203] заставляет автора театрального романа о Вильгельме Мейстере искать новые возможности познания природы человеческой личности.

Стремление познать мир и человека во всем их разнообразии приводит Гёте к внимательному изучению художественных возможностей эпических произведений. В 1797 г. он совместно с Шиллером пишет статью «Об эпической и драматической поэзии». В одном из изложенных в ней тезисов автор отмечает: «Лучше всего, если действующие лица стоят на том культурном уровне, где их деятельность еще предоставлена только самой себе, где действуют не из моральных, политических, механических побуждений, но только из безусловно личных» [6, с. 274]. Возможность внимательного изучения человеческой природы и непреложных законов бытия в отрыве от определенного исторического контекста – вот что побуждает Гёте к созданию эпической поэмы «Герман и Доротея» (1796–1797). Предмет изображения в ней ограничен сферой частной жизни персонажей, в которой «естественная» природа все еще сохраняет свое привилегированное положение по отношению к «культурному». Отталкиваясь от домодернистской¹ кон-

¹ Под домодернистской картиной мира мы будем понимать такой миропорядок, в основе которого лежит принцип изначальной заданности, где личность, будучи включенной во всеобщую связь вещей, занимает в мире свое, отведенное ей место и свободна от необходимости самоопределения.

цепции мира, базирующейся на идее изначальной заданности общезначимого порядка и рассматривающей личность с позиции ее включенности во всеобщую связь вещей, Гёте противопоставляет идиллический мир гармонии и порядка провинциального немецкого городка надвигающемуся извне хаосу. Ярко выраженный разрыв между событиями внешнего мира и высшими сферами идиллического состояния патриархального общества создают в поэме эффект эпической дистанции. Сюжет поэмы вырос из анекдота и претерпел под пером Гёте ряд изменений. Вследствие этого характерная для анекдотического жанра парадоксальная направленность была смягчена, а акцент на фиксацию неизменных законов бытия усилен.

Сюжетная линия поэмы была позаимствована Гёте из «Полной истории эмиграции изгнанных из архиепископства Зальцбург лютеран, подавшихся, в большинстве своем, в сторону Пруссии» Г. Г. Гёккинга (Gerhard Gottlieb Guenther Goekking, «Vollkommene Emigrations-Geschichte von denen aus dem Ertz-Bisstum Salzburg vertriebenen und groesstentheils nach Preussen gegangenen Lutheranern», 1734). Рассказ Гёккинга – это история девушки из Зальцбурга, покинувшей из религиозных соображений отца и мать. Встреча с сыном богатого бюргера приводит ее в дом его отца в качестве служанки, а затем молодой человек уговаривает главу семейства дать согласие на брак. Эта история была использована Гёккингом в разделе, повествующем о «неисповедимости путей Господних», в качестве примера Божественного Провидения [7, с. 671]. Гёте в своей поэме смещает эстетическую модальность смыслопорождения в идиллическом направлении, что приводит к ослаблению типичного для анекдотического сюжета принципа кумуляции. В поэму включаются элементы циклической сюжетной схемы. Одновременно с этим писатель отказывается от гёккинговской конфессионально-религиозной трактовки происходящего и вводит в свое повествование целый комплекс новых мотивов. Основное их назначение – обнаружение «текущих сил мировой жизни» [3, с. 378], слияние с которыми должно продемонстрировать действие поэмы.

Одним из таких мотивов выступает пожар, случившийся за много лет до изображаемых событий. Он приносит в идиллический мир ощущение хрупкости и ненадежности, незащитности перед лицом разбушевавшейся стихии. Ужасы революционных потрясений, персонифицированные в образах беженцев с левой стороны Рейна, заставляют жителей городка вспомнить о событиях двадцатилетней давности, о разрушительной силе огненной стихии:

Всяк согласится, что с дней приснопамятной кары Господней,
Испепелившей наш город, к нам был благосклонен Всевышний...
<...>
И неужели ж тот город цветущий, который недавно
На пепелище возвел Он руками граждан прилежных,
Вновь Он сметет, чтобы прахом пошли все наши усилья? [8, с. 537]

А вот отношение родителей Германа к «приснопамятной каре Господней» не столь однозначно. В их душе сохранилось благоговейное отношение к той самой «груде обугленных балок», оставшихся после страшного пожара и подтолкнувших их к созданию собственной семьи:

И с благодарностью чистой поныне я вспоминаю
Грудю обугленных балок и великолепное утро,
Давшие мне дорогого супруга... [8, с. 541]

Образ огня, разбушевавшегося пожара символизирует собой в начале поэмы неподконтрольную человеку первостихию, противопоставляемую упорядочивающей мир человеческой деятельности. Но этот огонь соединяет в себе как разрушающее, так и созидальное начала. Именно мотив огня используется затем судьей («Клио. Современность») для осмысления противоречивой природы революционных потрясений. Значимой представляется и финальная сцена поэмы, существенным образом отличающаяся от оригинальной развязки истории. Введение в повествовательную канву поэмы образа погибшего возлюбленного Доротеи, рассказ о его отношении к революционным событиям представляют собой попытку автора дать иное видение жизни, отличное от консервативной позиции Германа. Символичен в этом отношении заключительный жест героини, уместившей «с первым кольцом по соседству второе» и попытавшейся таким образом соединить, примирить два диаметрально противоположных мира.

Идея вечного возвращения и обновления находит свое выражение в большом количестве религиозных реминисценций, отчетливо прослеживающихся как при описании революционных потрясений («...Нынче на свете / Все пошатнулось и, мнится, готово на части распасться»; «Всё в небывалом движенье, как будто бы впрямь мирозданье / В хаос желает вернуться, чтоб в облике новом воспрянуть» [8, с. 583]), так и на уровне системы персонажей: почтенный судья, встреченный аптекарем и священником в лагере беженцев, представляется им «одним из древних вожатых – / Тех, что народам гонимым пути возвещали в пустыне, / Будто бы вправду с Навином беседую иль Моисеем» [8, с. 560].

Увлечение Гёте естественными науками, особенно активизировавшееся в 1790-е гг., находит свое отражение в неоднократном обращении автора к так называемым метеорологическим метафорам, выступающим в качестве одного из средств осмысления онтологических основ происходящего. Тенденция к уподоблению исторических процессов природным законам («И хоть Рейна стремнины / Нам и защита, но что и воды и горы народу / Этому страшному, – он, словно туча грозная, мчится...» [8, с. 549]) лишает актуальные события ареола исключительности, помещая их в рамки извечных законов бытия. Символическое значение приобретает и время

действия поэмы, выпадающее на воскресенье, седьмой день недели, символ Второго Пришествия, приобщения к вечности, репрезентирующий собой идею обновления, выхода на принципиально новый виток развития.

Вместе с тем «непоэтичность времени», как о нем высказался в своей статье «О „Германе и Доротеи“ Гёте» В. Гумбольдт [9], внесла свои коррективы в жанровую природу поэмы. Дальние отзвуки перемен проникают в мир отдаленного патриархального немецкого городка задолго до появления первых беженцев. Рассказ Германа о его неудавшейся попытке ухаживания за богатыми соседскими дочками, недовольство отца мужицкими повадками сына («Мало ты счастья принес мне! Про это не раз толковал я, / Видя, как ты отдаешь предпочтенье лишь коням да плугу» [8, с. 544]) противоречат архитектонике идиллического модуса, где, по мысли В. И. Тютю, внутреннее «Я» героя соответствует его роли во внешнем мире, где «Я-для-себя» и «Я-для-других» сливаются в едином целом и становятся самоопределением личности (см.: [10, с. 77]). Нарушение природной и социальной заданности особенно ярко прослеживается на уровне системы персонажей. Главные герои поэмы на некоторое время словно меняются предписываемыми им в рамках традиционной культуры социальными ролями: рядом с образом скромного и нерешительного Германа появляется образ смелой и энергичной Доротеи. Неслучайно судья, рассказывавший о «прекрасном поступке / Девушки великодушной, девицы с отважной душой» [8, с. 563], позволяет себе сделать следующую оговорку: «Даже и слабый пол, как его именуют обычно, / Силу и смелость являл, не теряя присутствия духа» [8, с. 563].

Обрабатывая анекдотическую историю оригинала, Гёте заставляет Доротею первой признаться в своих чувствах в нарушение всех существующих ролевых клише. Смещение в образе главной героини бытийной компетенции новеллистического персонажа, основывающейся на творческой инициативе героя, с притчевой повествовательной стратегией, исходящей из лежащего в основе поведения героя нравственного закона, приводят к нарушению целостности образа главной героини. Покорность Доротеи собственной судьбе, безоговорочное добровольное признание ею предустановленных социальных ролей восстанавливает нарушенный идеалистический модус, сообщая финальным сценам поэмы ощущение «сопричастности бытию как целому» [10, с. 77], рассматривая их в качестве своеобразного обещания возможности воссоздания прежней гармонии.

О серьезном изучении Гёте художественных возможностей эпических произведений в их различных жанровых модификациях говорит и тот факт, что в том же 1797 г. после «Германа и Доротеи» была задумана еще одна эпическая поэма – «Охота». Спустя три десятилетия первоначальный план будет положен в основу знаменитой гётевской «Новеллы».

Таким образом, повышенный интерес писателя к художественным возможностям эпических жанров является специфической особенностью

творческой деятельности Гёте послереволюционного периода и указывает на интенсивные поиски автором адекватной художественной формы, способной воссоздать все нюансы нового мировосприятия. Изучение естественных наук приводит писателя к выводу о непреложности закона постепенного развития животного и растительного мира. Этот же принцип он пытается положить и в основу процессуальной концепции индивидуальности, представленной на страницах романа «Годы учений Вильгельма Мейстера». Не революция, а эволюция является истинным источником развития человеческого общества и человеческой личности. В то же время предлагаемый главному герою проект активного взаимодействия индивида с окружающим его социокультурным пространством подвергается в романе своего рода экспериментальной проверке, обнаруживающей в нем ряд противоречий. Ощущение утраты целостности происходящего заставляет автора проявить повышенный интерес к той разновидности эпики, основной акцент в которой ставится на изображении извечных, непреложных законов бытия.

Литература

1. Krauss, W. Die literarischen Gattungen / W. Krauss // Grundprobleme der Literaturwissenschaft. Reinbek bei Hamburg, 1968. S. 49–78.
2. Шлегель, Ф. О «Мейстере» Гёте / Ф. Шлегель // Эстетика; Философия; Критика : в 2 т. / Ф. Шлегель. М., 1983. Т. 1. С. 317–335.
3. Бахтин, М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет. М., 1975. – 502 с.
4. Гёте, И. В. Годы учения Вильгельма Мейстера / И. В. Гёте; пер. с нем. Н. Касаткиной; коммент. Н. Вильмонта // Собрание сочинений : в 10 т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. М., 1975. Т. 7. – 525 с.
5. Кемпер, Д. Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна / Д. Кемпер. М., 2009. – 384 с.
6. Гёте, И. В. Об эпической и драматической поэзии / И. В. Гёте // Собрание сочинений : в 10 т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. М., 1980. Т. 10. С. 274–277.
7. Goekking, G. G. Vollkommene Emigrations-Geschichte von denen aus dem Ertz-Bisstum Salzburg vertrieben und groesstentheils nach Preussen gegangenen Lutheranern / G. G. G. Goekking. Frankfurt a. M.; Leipzig, 1734. – 822 S.
8. Гёте, И. В. Герман и Доротея / И. В. Гёте ; перевод Д. Бродского и В. Бугаевского // Собрание сочинений : в 10 т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. М., 1977. Т. 5. С. 532–584.
9. Humboldt, W. Über Goethes Herrmann und Dorothea / W. Humboldt // Zeno.org. Meine Bibliothek. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zeno.org/Philosophie/M/Humboldt,+Wilhelm+von/Ueber+Göthes+Herrmann+und+Dorothea/II.+Hauptbestandtheile+aller+dichterischen+Wirkung++Plan+dieser+Beurtheilung+im+Allgemeinen>. – Дата доступа: 27.10.2014.
10. Тюпа, В. И. Идиллическое / В. И. Тюпа // Поэтика : Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008. С. 77.